

Н.Ю.Букарева

## ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ В РОМАНЕ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ «ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД»

Одной из черт творчества современного автора Гузель Яхиной является обращение к драматичным событиям истории страны. В романе «Эшелон на Самарканд» основной темой становится изображение голода в начале 1920-х годов. В первую очередь, эта тема раскрывается на примере судеб детей, спасение которых — ключевая коллизия произведения. Сюжетообразующим в романе становится мотив пути, с развитием которого связано несколько смыслов: это и фактическое движение поезда из Казани до Самарканда, и путь детей от жизни к смерти, от бездомья к дому, и жизненный путь главных героев. Мотив пути позволяет расширить романную перспективу, персонажную сферу, включив в нее большое количество героев, занимающих разные позиции по отношению к новому советскому строю, что дает возможность передать драматизм эпохи. Автор показывает, что даже в самых бесчеловечных исторических обстоятельствах в людях не до конца умерла гуманность, которая проявляется в их участии в спасении детей.

**Ключевые слова:** личность и история, мотив пути, тема детства, Гузель Яхина

Одной из тенденций, активно реализующихся в современной отечественной литературе, является обращение к историческому прошлому страны. «Исследователи литературного процесса XX—XXI вв. нередко говорят об “историческом ренессансе”, о “давлении” и даже “диктате истории” в литературе» [1]. Эту мысль продолжают другие ученые: «...мы можем отметить тот колоссальный интерес к историческому нарративу, который характерен для отечественной культуры конца нулевых — начала 2010-х годов» [2]; «В последнее десятилетие писатели, создающие художественную литературу, обращаются к тем или иным историческим событиям, причем стараются быть объективными, честными, касаясь исторических фактов... Но современных авторов интересует не просто документ, а документ, пропущенный через опыт. Достоверно то, что обеспечено опытом» [3]. Проза Гузель Яхиной вписывается в означенную тенденцию, так как для ее романного творчества характерно изображение судьбы личности в переломные, трагические периоды истории страны. В произведении «Зулейха открывает глаза» — это коллективизация и репрессии, в «Дети мои» — годы сталинского режима, в последнем ее романе «Эшелон на Самарканд», вышедшем в 2021 году, — показано начало 1920-х годов — тяжелое послереволюционное время.

Г.Яхина, продолжая реалистические традиции, стремится к исторической достоверности изображаемого. С этой целью в «Эшелоне на Самарканд» она точно датирует время событий: они начинаются 9 октября, заканчиваются 15 ноября 1923 года. Столь же тщательно прописана и география: поезд с детьми следует из Казани в Самарканд, в подзаголовок каждой главы вынесены наименования населенных пунктов, через которые он движется (Арзамас, Оренбург, Аральск, Казалинск и так далее). Есть в романе и описание конкретных исторических фактов, участниками которых были в недавнем прошлом персонажи произведения. Так, главный герой, Деев, освобождал Казань от войск генерала Каппеля, был свидетелем того, как «катерами заутюжили в восемнадцатом сорок бойцов-красноармейцев, кто пытался бежать из Свияжска во время боя...» [4, с. 121]. Остановимся на этом фрагменте подробнее, подчеркнув, что в романе Яхиной наряду с вымышленными персонажами (такowymi являются и Деев, и Белая) упоминаются реальные исторические деятели и факты. Заметим, что подобный синтез характерен для жанра исторического романа, черты которого присущи тексту Яхиной. В данном эпизоде говорится о «показательном расстреле струсивших во время боя солдат Петроградского рабочего полка с последующим сбросом тел в Волгу и утюжкой их военными катерами», который «устроил в августе 1918-го Лев Троцкий во время боев у Свияжска с войсками генерала Каппеля. (Об этом пишут в мемуарах «Свияжские дни» С.И.Гусев (журнал «Пролетарская революция». 1924. № 2 (25)) и «Моя жизнь» Л.Д.Троцкий (глава 33 «Месяц в Свияжске»)» [4, с. 500].

К подобным примерам включения в художественный роман реальных событий относится и упоминаемая Фатимой в разговоре с Деевым история практически полного уничтожения в Казанском Ботаническом саду редких растений, богатейшая коллекция которых собиралась с 1806 года, расквартированным там в годы Гражданской войны кавалерийским полком. Этот и другие примеры выполняют две основные функции: с одной стороны, подчеркивают стремление писателя к достоверности изображения эпохи, с другой стороны, расширяют характеристику революционных и послереволюционных событий в стране.

Именно стремление к широте изображаемого материала, а следовательно, и к углублению характеристики исторической ситуации объясняет выбор писателем в качестве сюжетообразующего мотива пути, одного из самых распространенных мотивов в мировой литературе. Как отмечал М.Бахтин, «...редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений» [5]. Сюжет путешествия позволяет современному автору, при довольно компактных временных характеристиках событий, расширить и романную перспективу, и персонажную сферу, включив в нее большое количество героев разных слоев, национальностей, возрастов, политических и этических убеждений. Например, сестрами в поезд назначаются «бывшая горничная.

Чиновничья жена, чей муж сгинул в беспокойном семнадцатом. Овдовевшая попадья. Разорившаяся портниха. Башкирская крестьянка, потерявшая в Гражданскую всю семью и дом. Волостная библиотекарьша, что перебралась в город с началом голода...» [4, с. 47]. Фатима — по национальности татарка, бывший ихтиолог, закончившая Цюрихский университет. Мотив пути позволяет Яхиной изобразить и множество героев, с которыми поезд встречается во время движения до Самарканда, за счет чего система персонажей приобретает практически эпопейную масштабность. Автору важно показать героев, по-разному относящихся к советской власти, поэтому Деев сталкивается и с чекистами, и с охранниками ссыльного пункта, и с белоказаками, и с басмачами, и с кавалеристами — слушателями военной академии. Это дает возможность передать драматизм эпохи, той исторической ситуации, для которой, по характеристике Г.Гачева, характерно «пребывание народа и государства «на краю бытия», в обстоятельствах «перворожения мира, всех вещей и отношений». Такая ситуация воспроизводится во многих текстах, обращенных к революционной эпохе: отражая «разлом бытия», они «сплошь и совершенно непринужденно, органически тяготеют к эпопейности» [6].

Мотив пути в романе полисемантичен. Так, еще один его смысл — это жизненный путь героев. Именно поэтому Яхина вводит в текст ретроспективное повествование о прошлом персонажей. Предыстории есть практически у каждого из героев, они отличаются степенью подробности. Понятно, что о биографиях главных героев (Деева и Белой) рассказывается с большей обстоятельностью. Их судьбы вполне типичны для начала советской эпохи. Так, Белая выросла в приюте для девочек в Зачатьевском женском монастыре в Москве (эта обитель и ее история, кратко изложенная в связи с жизнью Белой, — тоже реальны), осталась там трудницей. В 1919 году, когда монастырь был закрыт и реорганизован в приемник для беспризорников, обрела истинный смысл жизни — спасать детей. Вскоре стала детским комиссаром, объехала всю страну, инспектировала сиротские дома («по белым астраханским степям, по желтой калмыцкой степи, по жирной земле Ставрополя» [4, с. 151]). Когда начался голод в Поволжье, была направлена туда с целью изучения масштабов детской смертности. Описывая эту поездку Белой, Яхина приводит много натуралистических эпизодов из жизни голодного Поволжья. Подчеркивая историческую достоверность изображаемого, автор в комментариях называет те сборники, статьи, монографии, диссертации, архивные материалы, которые послужили источниками для эпизодов романа, описывающих голод в стране и судьбы детей.

В дальнейшем Белая становится комиссаром поездов, вывозящих голодающих детей в более благоприятные районы страны. Этот эшелон — 16-ый за последние десять месяцев ее деятельности. Полагаем, что биография Белой строится автором по модели судьбы героя соцреалистического романа: революция становится поворотным событием в жизни персонажа, открывает истинный смысл существования — служение общему делу. У Белой нет семьи и личной жизни, так как положительному герою такой эпохи это не важно: «Ее пути и маршруты определялись теперь не личными интересами, а исключительно государственными: она шла по стопам советской власти» [4, с. 151]. Героине не свойственны сомнения при принятии решений, внутренний конфликт, так как идеальная личность данного времени цельная, не знает колебаний. В образе детского комиссара, как нам видится, Яхина стремится запечатлеть тип личности, который активно утверждался советской литературой как идеал: «...это человек, изменяющий мир, человек действенный, волевой, чьи действия полны высокой ленинско-сталинской идейности, человек, который растет в борьбе, человек, для которого личным, кровным делом является счастье всего народа, счастье нашей прекрасной и счастливой родины, для защиты которой он отдавал, отдает и готов отдать все свои силы, свои способности, свои таланты» [7].

Деев, напротив, показан эмоциональным, горячо переживающим за судьбу каждого ребенка, осуждающим Белую, несмотря на близкие отношения, за то, что она относится к смерти детей как к неминувости и не хочет сажать в поезд беспризорников, встречаемых по пути. По этому поводу между ними идет постоянная борьба, в которой одерживает верх Деев, всеми способами добивающийся своего, — не отказывает ни одному ребенку, берет их, нарушая инструкции и рискуя быть за это жестко наказанным. Интересно, что Яхина меняет привычные, с точки зрения гендерных характеристик, психологические облики героев, изображая более эмоциональным и жалостливым мужчину, а строгой и жесткой — женщину. Деев раним, переживает смерть детей как глубоко личное горе, тогда как Белая, имеющая опыт, уже неоднократно с подобной ситуацией сталкивавшаяся (она вспоминает первую свою поездку, когда, будучи такой же наивной, как Деев, взяла в эшелон только тяжелых, лежащих детей, но почти никого не доставила до пункта назначения: «Думала, доведу, домчу, всего-то из Астрахани до Москвы... Из двух сотен доехали двадцать» [4, с. 282]) и потому понимающая невозможность достичь конца пути без потерь, относится к этой ситуации спокойнее — как к трагической неизбежности. Деев же, напротив, не готов принимать эти обстоятельства и всеми возможными и невозможными способами борется за жизни ребят, подчас рискуя погибнуть. В этом плане его можно назвать настоящим подвижником («Постоянное и неотъемлемое свойство пути — его трудность. Путь строится по линии всё возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих мифологическому герою-путнику, поэтому преодоление пути есть подвиг, подвижничество путника» [8]).

Жизненный путь Деева показан в романе подробно. При этом его биография так же, как и судьба Белой, вписана в историю страны. Он рано осиротел, стал «приемышем паровозного депо». «...выживал едва-едва, ночуя на шпальном складе и по утрам отдирая от шпал примерзшие к дереву волосы. В отрочестве, подмастерьем ремонтной артели, — колготился за тарелку супа, то бодрясь, то падая в голодные обмороки. В юности, уже солдатом Красной армии, — убивал, и много. В молодости, продармейцем, — опять убивал» [4, с.

83]. Вводя в текст романа воспоминания главного героя о прошлом, используя прием ретроспекции, Яхина характеризует трагические и жестокие страницы истории «молодой Советской страны» [4, с. 83]. Это и упомянутые выше «свияжские дни», которые Деев «хотел бы забыть», но не может — «снятся иногда» [4, с. 121]; и подавление «бабьего бунта», когда он служил в продармии и разъяренная толпа женщин пришла на ссыпной пункт («Они бы нас разорвали. Мы поначалу не могли стрелять, никто — они сами, первые, на нас бросились. И стали рубить — косами, серпами. Ты видел когда-нибудь женщину, которая косой срубает мужику голову?» [4, с. 202]; все это он настолько тяжело переживал, что «лег на кровать и пролежал еще неделю. Даже в нужник не отлучался» [4, с. 202]. Был он и свидетелем жуткого голода в Казани в 1920—1921 годах, когда, работая в транспортном отделе, недоумевал, «почему бы не оставить пару тех вагонов [с продовольствием — Н. Б.] городу? Почему не раздать? Лежачим, что по вокзальной площади, как мусор, валяются. Малышне в детприемниках. Пацанью беспризорному, которого в городе уже едва ли не больше, чем жителей», а не отправлять их «во все стороны» [4, с. 421], но ничего не мог сделать. Однако все эти трагические события не убили в Дееве совесть и доброту, он до сих пор мучительно вспоминает о своем участии в них, мечтает о «чистой доброте», а не «испакощенной грехами предыдущей жизни» [4, с. 203]. Может, поэтому он и относится к спасению детей так истово, что это для него самого — своего рода путь искупительный, ведь не даром герой в конце приходит к пониманию: «...не Деев спас детей — дети спасли Деева» [4, с. 462].

Основная тема произведения — страшный голод в стране в начале 1920-х годов. Его изображение нашло отражение во многих произведениях советской литературы («от «жестко-натуралистического и беспросветного, как в рассказе Вс. Иванова “Полая Арапия”» (1921), «до той, преодолевающей все ужасы, борьбы за жизнь, когда трагическое сплетается с почти героическим, становится школой взросления, испытания и победы, как в неверовском “Ташкенте — городе хлебном”» (1923)» [9]), при этом общей чертой стиля этих книг становится обилие натуралистических подробностей, передающих страшное бедствие. Г.Яхина для раскрытия этой темы также вводит множество натуралистичных описаний мук людей от голода, смертей, трупоедства и каннибальства, убийства родителями детей как единственного способа их спасения от мучительного умирания. Приведем лишь несколько примеров из текста: «...за последнюю неделю в селе... умерло девять человек, из них пятеро отравились: ели падаль из могильника — выламывали из мерзлой земли залитые карболом коровьи туши и ели» [4, с. 171]; «Овечий Орех родился некстати, в первый голодный год, и мать из жалости купала его в овечьем помете, чтобы скорее умер» [4, с. 250]; «Он и не злобный вовсе, убеждает председатель, наоборот, человек с сердцем. Двух дочек малолетних не мог прокормить — задушил их периной, чтобы не мучились. А до того уже и могилу вырыл, и гроб самодельный заготовил, один на двоих. Схоронил — и с кладбища напрямик сдаваться пришел» [4, с. 167].

По сути, путь эшелона из голодной Казани в Самарканд — это путь ребят, собранных в этом поезде, от гибели к спасению. Кроме того, это их путь от бездомья к, пусть и временному, но дому. Эта идея также реализуется в сюжете романа.

Образы детей прописаны в тексте с разной степенью подробности. Судьбе Загрейки, например, отводится целая глава, о ком-то сообщаются только самые важные факты (Сеня-чувашин, которого преследует «стадо вшей»), большинство лишь упоминаются, но ни один из них не остается безымянным — автор перечисляет в конце произведения имена или прозвища всех пятисот доставленных в детский дом в Самарканде ребят. Яхина указывает, что, «давая прозвища и клички пассажирам эшелона, обращалась к нескольким источникам: к именам детей, упоминаемых в архивах, в мемуарных книгах» [4, с. 501].

Прозвищам детей Яхина отводит важную роль: в них содержится отражение их прошлых занятий (Свяка Тачечник, Орест Базарник, Гимназист), болезни (Харитоша Чахоточный, Соня Цинга, Ося Сифилитик), характера (Хади Форсила, Варлам — Никому не дам, Буйный Геласка), национальности (Ника Немец, Болгарин Баязит, Киргиз Два Рыла). Много прозвищ «географических», показывающих, откуда ребята родом, и часто вызывающих недоумение у Деева: как они смогли добраться до Казани и что их сюда привело (Дёма с Костромы, Углич не стреляй, Вовка Симбирь, Жора Жигулёвский, Славка Ижевский, Тёма Самара, Кира с Армавира). По сути, прозвища детей при всей их внешней порой комичности в действительности глубоко трагичны. Как говорит главный герой, от голода их спасти можно, но от прошлого не спасти. В прозвищах, по сути, отражена история послереволюционного государства. Самым трагичным и страшным последствием этого события являются смерти и искалеченные жизни детей, особенно сирот, беспризорных, обитателей детприемников и детдомов.

Идея сохранения жизни сирот в романе обретает еще и этический смысл: все, кто встретился на пути Деева и помог ему, спасая детей, спасали себя, очищали свою совесть («Может, мы для того и должны их спасти... вместо тех, кого убивали» [4, с. 191]). Реализуя эту мысль, Яхина композиционно выстраивает ряд эпизодов, связанных с разными персонажами, по схожей схеме: начальник эшелона сталкивается с ситуацией, от решения которой зависит жизнь его подопечных, встречается с героем, существование которого связано с убийствами и насилием, тот, узнав про конечную цель Деева, не отказывает ему — все они выполняют роль «чудесного помощника», отсюда следует их сюжетная функция — «разрешение трудных задач» [10]. При этом в контексте описываемой в романе политической ситуации герои занимают разные позиции и положения. Например, с бандой Яблочника Деев сталкивается, когда в поезде начинается холера. В обмен на возможность помолиться в вагоне-часовне белоказачи снабжают эшелон известью для дезинфекции вагонов, солью, мылом. Яблочник, снискавший славу зверствующего атамана, о котором говорили, что он спалил целый вагон соленой

рыбы, которую везли с Аральского моря в центр, именно эту рыбу и отдает детям. Столь же гуманен по отношению к сиротам Буре-бек: он выхаживает найденного в пустыне умирающего Деева, кормит несколько дней ничего не евших детей рисом и «чудо-ягодой» — виноградом, его «басмачи» выкладывают часть железнодорожной ветки, чтобы сбившийся с пути состав мог достичь Самарканда. И он же присылает в качестве топлива для тепловоза порубленные шинели и буденовки убитых в бою «красных». Все это меняет отношение главного героя к людям, в его сознании усложняется понятие доброты («Люди хорошие в дороге попадались...» [4, с. 481]). Деев понимает, что именно отношение к чужим детям показывает, что даже в самых бесчеловечных исторических обстоятельствах в людях, зверствующих в ходе этих политических событий, не до конца умерла человечность: «Все, кто нам за эти полтора месяца повстречались, — а была их немалая армия, — все говорили «да». Не оттого, что я такой настырный или везучий, а оттого, что как-то же нужно людьми оставаться. Хоть и в кутерье этой мясорубочной — а людьми» [4, с. 487].

Итак, в романе Г.Яхиной, во многом продолжающей реалистические традиции, показан один из трагических периодов в истории советского государства и судьба народа в эти годы. Не случайно основным сюжетным событием становится спасение детей от смерти — именно оно помогает понять авторскую концепцию: люди, в исторических катаклизмах способные на убийства и зверства, по отношению к сиротам проявляют гуманность, а значит, не все человеческое в них погибло.

1. Трубина Л.А. Диалог литературы с историей в оценке современного литературоведения [Электр. ресурс] // Преподаватель XXI век. 2018. № 4. С. 430. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-literatury-s-istoriei-v-otsenke-sovremennogo-literaturovedeniya/viewer> (дата обращения: 24.10.2021).
2. Солдаткина Я.В. Современная русская историческая проза в контексте литературного процесса 2000—2010-х гг. [Электр. ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-russkaya-istoricheskaya-proza-v-kontekste-literaturnogo-protsessa-2000-2010-h-godov/viewer> (дата обращения: 24.10.2021).
3. Тугушева Э.Ф. История и современность в литературе начала XXI века [Электр. ресурс] // Язык и мир изучаемого языка: сборник научных статей. Саратов, 2017. С. 186. URL: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_29977835\\_46597878.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29977835_46597878.pdf) (дата обращения: 24.10.2021).
4. Яхина Г.Ш. Эшелон на Самарканд: роман. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 507, [5] с.
5. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 248.
6. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. (Эпос. Лирика. Театр). М.: Просвещение, 1968. С. 85.
7. Карлтон Г. На похоронах живых: теория «живого человека» и формирование героя в раннем соцреализме // Соцреалистический канон: сборник статей. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. С. 347.
8. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980—1982. С. 352.
9. Семенова С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 48.
10. Пропп В.Я. Морфология сказки. Изд-е 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. С. 72.

#### References

1. Trubina L.A. Dialog literature s istoriei v otsenke sovremennogo literaturovedeniya [Modern literary study on the dialogue between literature and history]. *Prepodavatel' XXI vek*, 2018, no. 4, p. 430.
2. Soldatkina Ya.V. Sovremennaya russkaya istoricheskaya proza v kontekste literaturnogo protsessa 2000—2010-kh gg. [Contemporary Russian historical prose in the context of the literary process of 2000—2010<sup>th</sup>]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistsika*, 2017, vol. 22, no. 1, p. 48.
3. Tugusheva E.F. Istoriya i sovremennost' v literature nachala XXI veka [History and Modernity in the Literature of the Beginning of the 21st Century]. *Yazyk i mir izuchaemogo yazyka: sbornik nauchnykh statey*. Saratov, 2017, p. 186.
4. Yakhina G.Sh. Eshelon na Samarkand: roman [Echelon to Samarkand]. Moscow, 2021. 507 p.
5. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Questions of literature and aesthetics. Researches of different years]. Moscow, 1975, p. 248.
6. Gachev G.D. Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. (Epos. Lirika. Teatr) [Content of art forms. (Epos. Lyrics. Theater)]. Moscow, 1968, p. 85.
7. Karlton G. Na pokhronakh zhivyykh: teoriya «zhivogo cheloveka» i formirovanie geroya v rannem sotsrealizme [At the funeral of the living: the theory of the “living person” and the formation of the hero in early socialist realism]. *Coll. of papers “Sotsrealisticheskiy kanon”*. St. Petersburg, 2000, p. 347.
8. Toporov V.N. Put' [The Path]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya in 2 vols*, vol. 2. Moscow, 1980—1982, p. 352.
9. Semenova S.G. Mir prozy Mikhaila Sholokhova. Ot poetiki k miroponimaniyu [The world of Mikhail Sholokhov's prose. From poetics to worldview]. Moscow, 2005, p. 48.
10. Propp V.Ya. Morfologiya skazki [Morphology of the fairy tale]. Moscow, 1969, p. 72.

**Bukareva N.Yu. The person and history in the “Echelon to Samarkand” novel by Guzel Yakhina.** One of the features of the work of the modern author Guzel Yakhina is an appeal to the dramatic events of the country's history. In the novel “Echelon to Samarkand”, the main theme is the depiction of the famine in the early 1920s. First of all, this topic is revealed on the example of the fate of children, whose rescue is the key collision of the work. The motive of the path becomes plot-forming in the novel, with the development of which several meanings are connected: this is the actual movement of the train from Kazan to Samarkand, and the path of children from life to death, from homelessness to home, and the life path of the main characters. The motive of the path allows you to expand the novel perspective, the character sphere, to include in it a large number of heroes who occupy different positions in relation to the new Soviet system, which makes it possible to refer to the drama of the era. The author shows that even in the most inhuman historical circumstances, humanity has not completely died in people, which manifests itself in their participation in saving children.

**Keywords:** personality and history, motive of the path, the theme of childhood, Guzel Yakhina.

**Сведения об авторе.** Наталия Юрьевна Букарева — кандидат филологических наук (10.01.01), доцент; ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского», факультет русской филологии и культуры, кафедра русской литературы; ORCID: 0000-0003-0616-9328; bukarevanu@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.01.2022. Принята к публикации 05.02.2022.

**Ссылка на эту статью:** Букарева Н.Ю. Человек и история в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 1(40). С. 57-61. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.1(40).57-61

For citation: Bukareva N.Yu. The person and history in the “Echelon to Samarkand” novel by Guzel Yakhina. *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 1(40), pp. 57-61. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.1(40).57-61